

תשכולות
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

**GENESIS
PHILANTHROPY
GROUP**

ПО-РУССКИ, ЕВРЕЙСКИ, БАЛТИЙСКИ

«ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛИРИКА» И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОЗДУХ»

Материалы к лекции
Валерия Шубинского

Москва
октябрь 2019 г.
проект “Эшколот”
www.eshkolot.ru

Александр Ривин (1915-1942)

***

По горам и по дорогам,
В лагерях, аулах нищих,
У растерянных балкарок
Покупая молоко,

Вечный Жид устал шататься,
Мы – плохие альпинисты.
От Голгофы до Кавказа –
Это очень далеко.

Вот с турецкою монетой
Между двух грудей тряпичных
Едет горькая старуха
На коне на Страшный Суд.

Ледоруб песок взрывает,
Я плетусь за нею сухо,
Вдруг балкарка окликает:
«Ты урус или джугут?»

Видно, вымерли хазары
Преждевременно, некстати,
И не знают караима
Мусульманские дьячки.

«Я обрезанный, как муж твой,
И с меня сюнепа хватит».
Вдруг старуха помрачнела
И помчалась как джигит.

А когда настанет утро,
Я бреду нагорьем сонным,
И английский желтый ангел
Смотрит с елки голубой.

Я – Мессия Палестины,
Я машу мечом коратным,
И в лучах моей короны
Призрак родины любой.

По горам и по дорогам
С ледорубом и тетрадкой,
У растерянных балкарок
Покупая молоко...

Мы – плохие альпинисты,
Вечный Жид в кавказских Альпах.
От Голгофы до Кавказа –
Это очень далеко.

Как Христос своих овечек,
Холил я моих евреев.
Растоптали нас, как скорпионов,
Английские жеребцы.

Я смешной английский клоун,
Я – потомок Маккавеев,
И в лучах моей короны
Могендовидов концы.

Скучно в городе Сиона,
Бомбы падают лениво,
Сионисты греют руки
На поставках англичан.

Я смешной английский клоун
У стены Иерусалима,
И в лучах моей короны
Иудейская печаль.

* * *

Капитан, капитан, улыбнитесь,
Кус ин тохес – это флаг корабля.
Наш корабль без флагов и правительств,
Во вселенной наш корабль – Земля.

Мы плывем, только брызжем звездами,
Как веслом мы кометой гребем,
Мы на поезд судьбы опоздали,
Позади наш корабль времен.

Так над жизнью, над схваткой, над валом,
Над жемчужными жабрами звезд
Улыбнись капитан над штурвалом,
Наступи этим волнам на хвост.

Раньше взлета волны не поймашь,
Раньше света не будет звезды,
Капитан, капитан, понимаешь,
Раньше жизни не будет судьбы.

Так над жизнью, над схваткой, над смертью
Над разбрызганным зеркалом звезд
Улыбайся, товарищ, бессмертью,
Наступи ему сердцем на хвост.

***

Как у милой в огороде
соловьются соловьи,
соловьихи чисто ходят,
соловейчики мои!

***

Воробейчики летали,
прицелились поклевать,
воробейки пропищали:
Кус ин тохас! Дайте жрать!

***

В лесу, говорят, растёт, говорят,
редька с медом вместе,
а здесь, кадохес Ленинград,
до леса не долезете.

Иосиф Бродский (1940-1996)

***

Еврейское кладбище около Ленинграда.
Кривой забор из гнилой фанеры.
За кривым забором лежат рядом
юристы, торговцы, музыканты, революционеры.

Для себя пели.
Для себя копили.
Для других умирали.
Но сначала платили налоги,
уважали пристава,
и в этом мире, безвыходно материальном,
толковали Талмуд,
оставаясь идеалистами.

Может, видели больше.
А, возможно, верили слепо.
Но учили детей, чтобы были терпимы
и стали упорны.
И не сеяли хлеба.
Никогда не сеяли хлеба.
Просто сами ложились
в холодную землю, как зерна.

И навек засыпали.
А потом – их землей засыпали,
зажигали свечи,

и в день Поминовения
голодные старики высокими голосами,
задыхаясь от голода, кричали об успокоении.
И они обретали его.
В виде распада материи.

Ничего не помня.

Ничего не забывая.

За кривым забором из гнилой фанеры,
в четырех километрах от кольца трамвая.

1959

ИСААК И АВРААМ (фрагмент)

Горит костер. Вернее, дым к звезде
сквозь толщу пепла рвется вверх натужно.
Уснули все и вся. Покой везде.
Не спит лишь Авраам. Но так и нужно.
Спит Исаак и видит сон такой:
Безмолвный куст пред ним ветвями машет.
Он сам коснуться хочет их рукой,
но каждый лист пред ним смятенно пляшет.
Кто: Куст. Что: Куст. В нем больше нет корней.
В нем сами буквы больше слова, шире.
«К» с веткой схоже, «У» – еще сильней.
Лишь «С» и «Т» – в другом каком-то мире.
Пред ним все ветви, все пути души
смыкаются, друг друга бьют, толпятся.
В глубоком сне, во тьме, в сплошной тиши,
сгибаются, мелькают, ввысь стремятся.
И вот пред ним иголку куст вознес.
Он видит дальше: там, где смутно, мглисто
тот хворост, что он сам сюда принес,
срастается с живою веткой быстро.

И ветви все длинней, длинней, длинней,
к его лицу листва все ближе, ближе.
Земля блестит, и пышный куст над ней
возносится пред ним во тьму все выше.
Что ж «С и «Т» – а КУст пронзает хмарь.
Что ж «С и «Т» – все ветви рвутся в танец.
Но вот он понял: «Т» – алтарь, алтарь,
А «С» лежит на нем, как в путах агнец.
Так вот что КУСТ: К, У, и С, и Т.
Порывы ветра резко ветви кренят
во все концы, но встреча им в кресте,
где буква «Т» все пять одна заменит.
Не только «С» придется там уснуть,
не только «У» делиться после снами.
Лишь верхней планке стоит вниз скользнуть,
не буква «Т» – а тотчас КРЕСТ пред нами.

1963

ИЗ «ЛИТОВСКОГО ДИВЕРТИСМЕНТА»

ЛЕИКЛОС

Родиться бы сто лет назад
и сохнущей поверх перины
глазеть в окно и видеть сад,
кресты двуглавой Катарины;
стыдиться матери, икать
от наведенного лорнета,
тележку с рухлядью толкать
по желтым переулкам гетто;
вздыхать, накрывшись с головой,
о польских барышнях, к примеру;
дождаться Первой мировой
и пасть в Галиции – за Веру,
Царя, Отечество, – а нет,

так пейсы переделать в бачки
и перебраться в Новый Свет,
блюя в Атлантику от качки.

1971

Евгений Рейн (1935)

ПРЕОБРАЖЕНСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ЛЕНИНГРАДЕ

Под черным лабрадором лежат мой дед и бабка,
среди охтенских суглинков, у будки сторожей.

Цветник их отбортован и утрамбован гладко,
поскольку я здесь не был сто лет – и он ничей.

В свой срок переселились с безумной Украины
они, прельстившись нэпом, кроить и торговать,
под петроградским небом купили половину
двухкомнатной квартиры и стали проживать.

Гремит машинка «зингер», Зиновьев пишет письма,
мой дед торгует платьем в Апраксином ряду
и, словно по старинке, пирожные в корзинке
приносит по субботам, с налогами в ладу.

А жизнь идет торопко – от бани до газеты,
от корюшки весенней до елочных шаров.

Лети, лети, вагончик, в коммуне остановка,
футболка да винтовка – и пионер готов.

И все это отрада – встают, поют заводы,
и дед в большой артели народу тапки шьет,
а ну, еще полгода, ну, крайний срок – два года –
и все у нас наденут бостон и шевиот.

Но в темном коридоре, в пустынном дортуаре
сжимает Николаев московский револьвер,
и Киров на подходе, и ГПУ в угаре,
и пишет Немезида графу «СССР».

А дед и бабка рады – начальство шьет наряды,
приносит сыр и шпроты, ликер «Абрикотин»,

границы на запоре, и начеку отряды,
и есть кинотеатры для звуковых картин.
А дальше все как надо – обида и блокада,
и деда перевозят по Ладоге зимой,
и даже Немезида ни в чем не виновата,
она лишь секретарша. О боже, боже мой!
Теперь в глубоком царстве они живут, как могут,
Зиновьев, Николаев, Сосо и лысый дед.
И кто кого под ноготь, и кто кого за локоть –
об этом знает только подземный Ленсовет.
А я стою и плачу. Что знаю, что я значу?
Великая судьбина, холодная земля!
Все быть могло иначе, но не было иначе,
за все ответят тени, забвенье шевеля.

Леонид Аронзон (1939-1970)

***

Вроде игры на арфе чистое утро апреля.
Солнце плечо припекает, и словно старцы – евреи
синебородые, в первые числа Пасхи,
в каждом сквере деревья, должно быть, теперь прекрасны.
Свет освещает стены, стол и на нем бумаги,
свет – это тень, которой нас одаряет ангел.
Все остальное после: сада стрекозы, слава,
как, должно быть, спокойны шлемы церковей, оплывая
в это чистое утро, переходящее в полдень,
подобное арфе и кроме – тому, о чем я не помню.

1964

Виктор Соснора (1936-2019)

ПЛЬСКОВ

Зуб луны из десен туч едва прорезан.

Струи речки –

это струны! –

в три бандуры.

В этом городе прогоном мы,

проездом.

Прорезиненные внуки трубадуров.

Днями –

город, птичьим хором знаменитый.

Вечерами –

вечеваньем, скобарями.

Помнишь полночь?

Был я – хорозаменитель.

Пел и пел, как мы вплывали с кораблями,

как скорбели на моем горбу батоги,

а купецкие амбарыны горели.

Этот город коротал мой дед Баторий.

Этот город городил мой дед Корнелий.

Третий дед мой был застенчивый, как мальчик,

по шеям стучал пропоиц костылями.

Иудей был дед.

И, видимо, корчмарщик.

А четвертый дед тевтонец был,

эстляндец.

И скакали все мои четыре деда.

Заклинали, чтоб друг друга – на закланье!

И с клинками –

на воинственное дело –

их скликали –

кол о кол

колоколами!

«ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛИРИКА» И «ЕВРЕЙСКИЙ ВОЗДУХ»

Как сейчас, гляжу:

        под здравственные тосты
развевается топор, звучит веревка.

Слушай, лада,

        я – нелепое потомство.

Четвертованный?

Или учетверенный?

Я на все четыре стороны шагаю?

В четырех углах стою одновременно?

До сей поры

пробираюсь к Шаруканю

на четверке коней –

        попеременно?..

Этот город?

Этот город – разбежаться –

перепрыгнуть,

        налегке,

        не пригибаясь,

этот город

        на одно рукопожатье,

на одно прикосновение губами.

На один вокзал.

А что за временами!

То ли деды, то ль не деды –

        что запомнишь?

Этот город –

        на одно воспоминанье,

на одно – спасибо – городу за полночь.

1962

ЖИЗНЬ МОЯ

Вот идет моя жизнь, как эстонка, —
озерцо хитрохвостая килька
век овец муравей или вермут
шепот-папоротник в янтаре
эхо солнышка серп в перелесках
капли воздуха крыл воробьиных
вермишелька-березка в болотце
хутор-стеклышко в январе.

Вот идет моя жизнь, моя полька, —
в ореолах волос соловьиных
вол солома осел и Мария
слякоть слов и мазурка-метель
стать-скакун сабля конфедератка
что по ландышам красным копытом
клювы славы орел Краковия
кафедральный крест и мятеж.

Вот идет моя жизнь, как еврейка, —
скрипка-Руфь эра Экклезиаста
урна-мера для звезд златожелтых
а электроколючками культ
йодом Иова храмом хирурга
дециперстная месть Моисея
цифра Зверя за правду праотчью
нас на золото на арфы на кнут!

Так: три девы, три чрева, три рода, —
триединство мое троекровье
что же мне многоженство монголов
глупость флагов глумленья Голгоф
кто я им сам не знающий кто я
их не их не герой этих гео
дан глагол и я лгу но глаголю
проклиная и их и глагол.

1974

Лев Лосев (1937-2009)

ВЕТХАЯ ОСЕНЬ

Отросток Авраама, Исаака и Иакова
осенью всматривается во всякий куст.
Только не из всякого Б-г глядит и не на всякого:
вот и слышится лишь шелест, треск, хруст.

Конь ли в ольшанике аль медведь в малиннике?
Шорох полоза? Стрекот беличий? Крик ворон?
Или аленький, серенький, в общем маленький, но длинненький
пришепetyвает в фаллический микрофон?

Осень. Обсыпается знаковость, а заповедь
оголяется. С перекрёстка душа пошла вразброд:
направо Авраамович, назад Исаакович,
налево Иаковлевич, а я – вперёд.

БРАЙТОН-БИЧ

Но всё, о море! всё ничтожно
Пред жалобой твоей ночной...
Вяземский

трогал писю трогал какá
наказали плакал что больше не будет

подарили книгу «Сын полка»
когда вырастет пионэром будет

Дважды прочитал «Хуторок в степи»
(«Сын полка» отправлен на полку).
Подглядел, как девочки делают пипи,
и это надолго сбивает с толку.

Позади «Детские годы Ильича»,
впереди праздник «Встреча весны».
Уже не волнуют фекалии и моча,

но поразительные картинки из «Справочника врача»
превращаются в сны.

Узнал, что «пидараст»
не ругательство, а физрук Абдула.

Сказала, что умрёт, но не даст
поцелуя без любви.

Но дала.

И так далее. Институт. На картошке
спальные мешки, свальные грешки.

Инженер. Муж. Детские горшки.

До пятницы занимание трёшки.

По вечерам водка и ТВ, ТВ:

грязноармеец громит беглогвардейца.

Самиздат, тамиздат и т.д., и т.п.

И когда уже не на что больше надеяться,
заходит друг, говорит: «Ну, ёлки-
палки, чего нам терять, опричь
запчастей».

И вот он в Нью-Йорке.

Нью-Йорк называется Брайтон-Бич.

Над ним надземки марсианская ржа.

В воздухе валяются неряшливые птицы.

Под досками прибой пошевеливает, шурша,
презервативы, тампоны, газеты, шприцы.

Сергей Стратановский (1944)

ХАСИДИЗМ

Баал-шем-тов, твои ученики
по жалостной земле,
по плачущей Волыни
В дырявых башмаках
шли от корчмы к корчме
Чтоб грубым корчмарям,
торгующим горилкой
И чтущим лунное талмуда серебро
Сказать об искорках
простой и легкой веры
Уж виленский раввин строчил на них донос
И старцы хмурились в дремучей укоризне
Но сам Господь входил в зеленый гвалт берез
В вино сапожников, в живые буквы жизни
1982

БИБЛЕЙСКИЕ ЗАМЕТКИ

<...>

3

Исаак против Авраама

Бог или ангел случайный
Мимолетающий,
тогда удержал его руку
Я не знаю и знать не хочу
Вряд ли кому интересны
Нынче эти разборки
Но все ж расскажу по порядку.

Утром проснувшись
Вышел я из шатра и увидел:

Двое наших рабов,
двое юношей, купленных нами
На базаре в Салиме
топорами халдейскими рубят
Для всесожженья дрова

Рядом отец Авраам
над точильным склонившийся камнем
Темный как туча на небе
точит свой Богонож

«Разве праздник сегодня, –
спросил я тогда Авраама, –
Почему ты, отец,
приказал заготовить дрова?
Точишь нож, для чего?
Неужели Господь захотел
Снова жертвы внеплановой?»

Ничего не ответил отец
Лишь рабам повелел мне на плечи
Дров вязанку взвалить
и пошли мы вдвоем по дороге
В землю Мориа
Шли мы три дня и три ночи,
и вот наконец перед нами
Гор появилась гряда
и опять я спросил Авраама
«Где же тот агнец, отец,
что назначен на кушанье Богу?»
И опять не ответил отец

Только тогда,
когда дикой тропой мы взошли на какую-то гору
И дрова разложили,
только тогда я взглянул

Аврааму в глаза
и увидел глаза человека
Ставшего тигром
Хищным прыжком
прыгнул он на меня. Я упал
На поленья ничком,
потеряв от удара сознание
И очнувшись увидел,
что вервием жертвенным связан
От коленей до плеч
То ли ангел случайный
Мимолетающий, тогда удержал его руку
От прямой уголовщины
или грозный раздумал Господь
чавкая есть мою плоть
Я не знаю и знать не хочу
«Мальчик мой долгожданный, –
отец лепетал со слезами, –
Мальчик мой Исаак
ты спасен от Господних зубов
За мое послушанье,
за хождение мое перед Богом
И отныне наш род
воссияет в пустотах веков
И по Божьему слову
та область, где странствуем ныне
Станет нашей землей»
Я не ответил.
Я молча, по скользкой тропе
Стал спускаться в долину
1990

4.

Кто это был, я не знаю.

Мне имя его не сказали
Был ли Он Некто, похожий
на меня, на отца и на брата
Или Ничто бестелесное
приходило в то время на землю
Был я тогда малолетком.

В Мицрайме, земле потогонной
Были на стройке рабами
братья мои и отец
Злобно глумились над нами
фараоновы слуги – прорабы

Мы ненавидели их

Помню, в священную ночь
спать не ложились в бараке

Месяц, как жертвенный нож,
тихо сиял над землей

Помню, как ели ягненка,
обжигаясь, давясь от волнения

И вот тогда, наклонясь
«Слышишь, – сказал мне отец, –
за бараками нашими –
слышишь –

Ходит Господь по земле,
наказуя народ мицраимский

Первенца в каждой семье
убивая мясницким ножом»

Был я тогда пацаненком,
и что было дальше – не помню

Помню лишь где-то в пустыне
наше становье, шатры

Скот, подышающий с голоду
ропот усталых, озлобленных

«Кто Он? – спросил я тогда. –
Для чего Он увел нас оттуда?
Что Ему надо от нас?»

1982

5.

Я – часовой на стене
крепости иерихонской
У горизонта, вдали
вижу я вражеский стан
Вижу несметное войско
беспощадного Бога номадов
Знаю, что в городе были
соглядатаи нашей земли
Знаю, что с ними якшалась
грязная шлюха Раав
Знаю: падут эти стены
перед воинством ихнего Бога
Знаю, что буду заколот
в полдень священной резни

1982

6.

В год агрессии нашей
мы истребляли мечами
Жителей этой земли,
данной в наследие нам
Господом нашим...
Ели мы их виноград...
пили воду из ихних колодцев
Черен был облик земли,
но остались в живых ее боги
И вот теперь по ночам
Ходят они среди нас
безъязыкие, страшные боги

Ходят и смотрят на нас,
пристально смотрят на нас

1982

<...>

8.

Вот и вернулись домой
из восточного долгого плена
Мы – потомки Иакова,
богоизбранный царственный род
Плакали мы, увидав
в разорении наши жилища
Наши сады в запустеньи
и в развалинах храм Соломонов

Был среди нас человек,
называвший себя прозорливцем
Лидером рода, хранителем
букв и рассказов священных
Гневно он нас укорял
в отступленьи от норм стародавних
Звал к искупленью грехов,
вербовал на ударную стройку
Нового дома Господня

Помню, из первых и я
записался тогда добровольцем
Вкалывал год словно раб,
а потом за усердьё в прорабы
Произведен был пророком,
программистом народного счастья

Помню то утро, когда
привезли на подводах снабженцы
Кедров ливанских стволы
для закладки в священные стены

Взяли мы их на ремни,
но сорвался ремень и свалился
Кедр, изувечив меня

И вот с тех пор я – калека,
попрошайка под стенами храма
Ввысь устремленного,
в небо, к Господу наших молитв
Клянчу на хлеб каждодневный
и пытаюсь понять безуспешно
В чем согрешил я тогда
и за что был ушиблен Всевышним?
Чем не потрафил Ему?

1983

Елена Шварц (1948-2010)

GENIUS LOCI (РОСИЦА)

Белоруссия. Пустошь. Недалеко от границы.

Здесь было когда-то местечко,
Но оно улетело, как птица,
Все в нем шило, шипело, болело,
Но... немцы, время и ветер.
Ивы, полынь, ковыль.
Жила здесь бедная мышь
В развалинах нищего дома.
Она была здесь тогда,
Когда два старика умирали,
А в углу белела девчонка –
Отпрыск их ветхого лона.
Мышь белела в другом углу
И смотрела в дитя из-под век,
Девчонка шептала, молчала,
А потом убежала навек.

В солому закутав голову,
Как в молитвенной шали,
Мышь у камня сидит и ждет холодов
И сводит на груди концы печали.
Луна ей жует затылок,
Жжет проплешину лунный взгляд –
Вставай же, мышь, подымайся
И встраивайся в парад,
В котором идут, приплясывая,
До края земли – и раз...
А пустошь – она останется,
И золоченый глаз,
А мышке везде достанется
Черствая корка и лаз.

1992

ДИТЯ ГЕТТО В ОКРУЖЕНИИ БУКВ

Сегодня не вернулся «алеф»,
Вчера все прыгал надо мной
И звал играть на дубе старом,
На нежно-грубо-золотом.
Моя рука его носила,
Накренься и отделись.
Алеф, ты меня умнее,
А я глупой родилась.
«Что, Басенька, ты вся трепещешь?
Открой глаза, умой лицо!»
Со стоном буквочка «омега»
На палец пала, как кольцо.
В окне качалась низко ива,
За стенкой взвыл вдруг женский бас
В холодном ужасе: «Скорее
Ребенка прячьте под матрас».

Все скрежетало, грохотало,
Храпел безмозглый грузовик.
И буква «шин» тремя свечами
Сгорела в сердце в один миг.

1999

ПРЕРЫВИСТАЯ ПОВЕСТЬ О КОММУНАЛЬНОЙ КВАРТИРЕ

Гишпанский Петербург

Предисловие

В Испании (и, кажется, нигде больше) долго сосуществовали три веры: христианство, мусульманство (суфизм) и, в одном из самых изощренных своих проявлений (каббала), – иудейство. Три культуры жили как соседи, одоляясь друг у друга в случае нужды (алхимией, к примеру).

Мне захотелось представить это в реальности, а единственная знакомая мне до глубины реальность – мир самого вымышленного города на свете, где все может (могло) быть, где, в конце концов, живут вместе православные храмы, костел, мечеть, синагога и буддийский храм.

В этом смысле Петербург – испанский город и находится в гишпанском королевстве, недаром и Гоголь (в лице Поприщина) все грезил об Испании.

А Луну если и делают в Гамбурге, то у нас ее давно проиграли в карты.

Прости, любезный читатель: не для тебя, не для себя, не для Поприщина предприняла я этот дикий имажинативный опыт. А может быть, так все и было на самом деле.

Глава 1. Соседи помогают друг другу

В бывшем доходном доме,
В квартире одной коммунальной
У кухни круглой обрубальной
(Куда все двери выходили)
Четверо свой век коротали:
Три старичка
И проводница Верка –
Добрая до глупоты
Краснорожая девка,

Она и полы им мыла,
И чем иногда кормила,
Но выпивала она.
Один старик был горный суфий.
Переселившись в Петербург,
Он будкой завладел сапожной,
И, бормоча и улыбаясь,
Весь день на улице сидел.
Однажды духом опьянившись,
Он никогда не протрезвел.
В далекой юности влюбившись,
Все тот же обожал предмет.
С трудом скрывал свое счастье,
Свое чужое блаженство,
Подметку ли поправляя,
На крыше ли сидя под вечер.
На кухне ночами кружился,
К Богу взмывая венком
Из алых цветов и листьев.
Он падал и вскрикивал громко
Пронзительно на забытом
Чужом самому языке.
Когда это видел сосед –
Еврей, по прозванию Давидка,
То, воду ему подавая,
Так всегда говорил:
– Зачем ты, Юсуф, кружишься
Почти убитою птицей?
Ты к Господу не возлетишь.
Да и чему ты смеешься
И радуешься громко –
Ведь жизнь – это страшный кошмар.

А сам по ночам он считал,
Считал он по свитку Торы

И что-то еще мастерил.
А то простоит, бывало,
Весь день на тощей ноге,
Взявшись за левое ухо.
А третий сосед – смиренный,
Тайный инок в миру,
Любого – кто что ни прикажет –
Слушался как отца,
Такое он взял послушанье.
Власий имя ему.
Утром выходит на крышу,
Осыпав себя крупую,
И воробьи ликуют
В круглой его бороде.
Слезы льются по горлу
Прямо в нагое сердце.
Проходят годы.
Они, как буквы разной крови
Кружатся, не смыкаясь в Слово.
<...>

Глава 6. Обрывки разговоров на кухне

– Юсуф, ты страха Божьего не знаешь.
– А ты не знаешь любви.
– Я сто раз на дню умираю...
– А ты живи, живи.

Влас: Живи как колесо:
Едва земли коснется –
Несется вверх.
Покайся, выплюнь грех,
Слугою будь у всех,
В смирении живи.

Давид: Порченный свет,
Подлеченное сиянье.
Искру одну спасу –
И я спокоен.

Я (подслушивая из соседней квартиры, глядя на Власа):
Мы все перебираем время
По часику, по месяцу, по зернышку.
А святой бредет по нему напролом
(А оно стоит)
Как сквозь туннель – ночью ли, днем
Сломанной часовой стрелкой
Летит.

Глава 7 (продолжение – еще более бессвязное)

Влас: Милость в нас и с нами,
Не прав ты, брат Давид.
Давид: Мириады искр упали:
Те – на море, и утонут,
Те – во зверя, и застонут,
Кто – во камень и орех,
Тем, несчастным, хуже всех.
Заключились вы в пределы тесные,
Как вас вывести, огоньки небесные?
Я (раздумывая над их словами):
В новом ковчеге плывем,
На этот раз – ржавый линкор.
Больше ничей за нами,
Нет, не следит взор.
Дверь захлопнулась милости,
Цепь порвалась и связь.
В этой покинутости –
Что мы? – липкая грязь.
Вода превратилась в пламень,

Мы заперты и горим.
Храм наш давно сгорел,
Ныне сгорает Рим.
Голубь с юным листом
Не прилетит назад,
Тает на дне морей
Ледяной Арарат.
Влас: Милость-то в нас и с нами,
Ребе, подумай, отец.
Это еще не конец.
Давид: Пламя я вижу, пламя.
Больше и нет ничего.
<...>

1996

Михаил Генделев (1950-2009)

НОЧНЫЕ МАНЕВРЫ ПОД БЕЙТ ДЖУБРИН

Я младшей родины моей
глотал холодный дым
и нелюбимым в дом входил
в котором был любим
где нежная моя жена
смотрела на луну
и снег на блюде принесла
поставила к вину
она крошила снег в кувшин
и ногтем все больней
мне обводила букву «шин»
в сведении бровей
узор ли злой ее смешил
дразнила ли судьбу
но все три когтя буквы «шин»
горели в белом лбу.

II

я встал запомнить этот сон
и понял где я сам
с ресниц соленый снял песок
и ветошь разбросал
шлем поднял прицепил ремни
и ряд свой отыскал
при пламени прочли: они
сошли уже со скал
но я не слушал а ловил
я взгляд каким из тьмы
смотрело небо свысока
на низкие холмы
и в переносии лица
полнебосводу в рост
трезубец темноты мерцал
меж крепко сжатых звезд.

III

А нам читали: прорвались
они за Иордан
а сколько их а кто они
а кто же их видал
огни горели на дымы
как должные сгорать
а мы – а несравненны мы
в искусстве умирать
в котором нам еще вчера
победа отдана
играй военная игра
игорная война
где мертвые встают а там
и ты встаешь сейчас
мы хорошо умрем потом
и в следующий раз!

IV

И я пройду среди своих
и скарб свой уроню
в колонне панцирных телег
на рыжую броню
уже совсем немолодой
и лекарь полковой
я взял луну над головой
звездю кочевой
луну звездю путевой
луну луну луну!
крошила белый снег жена
и ставила к вину
и головой в пыли ночной
я тряс и замирал
и мотыльки с лица текли
а я не утирал.

V

Как медленно провозят нас
чрез рукотворный лес
а темнота еще темней
с луной из-под небес
и холм на холм менял себя
не узнавая сам
в огромной пляске поднося
нас ближе к небесам
чтоб нас рассматривала тьма
луной своих глазниц
чтоб синий порох мотыльков
сошел с воздетых лиц
чтоб отпустили нас домой
назад на память прочь
где гладколобый череп мой
катает в детской ночь.

Арье Ротман (1953)

* * *

Я по лестнице чёрной
подняться не смог.
Срамом статуй своих оглушил меня сад.
Мрамор треснувший бил по губам,
белорук,
а упавшего конь растоптал,
медноног,
укусил размождённый копытами гад.

Август львиной гримасой отхаркивал смог,
штукатурным астматиком кашлял фасад,
и тоска утащила на улицу мук.
Я приехал тебя оскорбить,
Петербург,
но боялся взглянуть на тебя,
Ленинград,
и по лестнице чёрной
подняться не смог.

* * *

На Лиговке дома огромны и темны,
как утюги чугунные в кладовке.
Трамвай крадется скупщицей к воровке,
и выступают тени из стены
узорами решеток меднойковки.

Я этот город, страшный каланчей,
тысячекратно поджигал и мучил.
Губил его зверьми и саранчой,
колпак ему палаческий хлобучил,
пока ему до дури не наскучил.

Назад, в Египет бедных пирамид,
к котлам котлет, изжоги и разврата,

к той нищете, которая мне свята.
Под наготу твоих кариатид
впусти меня, мне жизнь великовата.

* * *

Петербург под голодной луной
суетился и гас,
камергерское имя
с ливреи спеша отодрать.
В черной стуже Невы
полоскался чугунный пегас,
и тонула за Лахтою
тяжкая конная рать.

Пред гранитным царем,
обихоженным зеленью птиц,
пред китайской улыбкою
паралитических Будд,
зад империи тощей
валил меня некогда ниц,
как кизяк и муслин
на погонщика валит верблюду.

Я бежал,
я в рабы записался иным небесам.
Был обласкан купцами,
в Египте им чистил коней.
С ними пил и мочился,
молился и ел только сам.
Ненавидел их жен,
и грешил с ними редко во сне.

Петербург умирая
расцветку менял как макрель,
был то бур и багрян,
то серебрян и златолилов.

Чужеземным лакеем
в санях дожидался апрель,
но уехал я в марте
разгадывать тучных коров.

А теперь я как ворон
к порогу чужого жилья,
прилетел попрошайкой
свой проданный дом воровать,
словно фраер в толпе
дорогого и злого жульа,
как над Лахтою нищей
с кобылы смеющийся тать.

РУССКИЕ ЕВРЕИ

Ветхие ангелы,
ломкие птицы священной крови.
У русских евреев
голые лица,
кустистые брови.

Верные жёны,
несчастные дети в смешанных браках.
Забытая мудрость тысячелетий,
старческий запах.

У русских евреев
племянники в Штатах, венозные руки.
Дедовский тфилин, талес в заплатках,
гойские внуки.

Когда задёрнешь
небо в России и крест ей сладишь,
они умрут.
И придёт Мессия
прочесть им кадиш.

Олег Юрьев (1959-2018)

ВОРОН НОЕВ

В саде ка́мневом, охладелом,
Желтом и синем саду,
Всем изощренным именем-телом
В небо я овчее ниспаду.
И не почувствовав расстоянья,
И не успев вздохнуть,
Птицею таянья и сиянья
Себя я смогу согнуть. –
Луком темным, мчащим вместе
С светлой стрелкой своей
Во всё уходящее перекрестье
Все надвигающихся огней.

Якорь я в звездных вóлнах свистящих
(Крылья пóлны смолой);
Ворон я в синих облачных чашах
Над желтой Землей-Волной,
Где – весь раскачанный волн бегом –
Лишь камневый сад еще не померк,
Где над желтым и синим ковчегом
Я, ворон, всё падаю вверх.

1983

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ЛЕНИНГРАДЕ

Из всей земли могу назвать своим
Квадратный метр в искри'вленной ограде,
Где нищий камень слякотью гноим
И смертный сон прерывист, смерти ради,
Где отлетают и душа, и страх
И в черных разделяются вершинах,
Где снова праху возвращают прах
В проклятых глазурованных кувшинах –

Здесь, только здесь, где русской нет земли,
Где только прах под непокрытой клеткой,
Где нашей плотью сосны возросли,
Где воздух бьется нашей кровью редкой,

Я чувствую ту лучевую нить,
Которая – хоть чуть – меня и нудит
Связующую точку охранить.
Но знаю я, что и ее не будет.

Но знаю я, что и сюда придут –
Свернут ограды и надгробья сроят
И, исполняя свой обычный труд,
Могилы под квартирки перестроят

1987

ЕВРЕЙСКОЕ КЛАДБИЩЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

Над нашею могилою
Хромая бабочка летит,
И крутится, и мучится,
И падает, и спит.

Лежи-дрожи, двурогая,
На прадедовской плите,
Как стрекозка та убогая
У Вольфа на плече.

Отменными березами
Пророс наш бедный прах,
Прямыми соснами розовыми
На обуховских ветрах.

Здесь в белое небо впрыснуто
Александровской фермы молоко,
И плачется, и дышится,
И так легко, легко.

2016

АЛЕКСАНДРИЙСКАЯ ПЕСНЯ

Узелков мне не надо скользких,
Чтоб казаться себе счастливей,
И, в какую иглу ни вденьте,
Уже не извиться кротко: –

От семи пирамид московских
По реке перегнивших жнивий
К каменеющей в небе Дельте
Опять привезла меня лодка.

Весь осел опустелый город,
Пересеянный пылью плоской,
Шелковинке не спрыгнуть с ветра! –
Что чернеется? Форт ли, Фарос?

И, ко рту притянувши ворот,
Я свечу себе папироской
В море, где ни конца, ни верха...
Господи, хоть бы парус!

Хорошо ли я жил, нетвердый,
Но не винный в грехе Филона
(Я лишь жил и ниточкой вечной
Скоротленный строчил папирус)?

– Хорошо. Я еще не мертвый.
Так еще я смотрю влюбленно
В этот каменный и калечный
Мир, где родился и вырос.

1987

ЭКУМЕНИЧЕСКОЕ

из поэмы «Русский ислам»

В Петропавловской хоральной
Церкве-пагоде-мечети
Плачет мўлла мала-мала
Кычет лама-колокольчик
Поп небрит раввин неровен.

Плюс на минус, чет на нечет,
Габарит на габарит –
Рука руку моет, нога ногу чешет,
Звезда с звездой говорит.

1998

В САДАХ ТОЛЬКО НАШИХ В АПРЕЛЕ

В садах только наших в апреле
Деревьа растут из зеркал. –
То, видимо, тайные щели
Господь в этом мире сыскал.
И так еще, видимо, можно
На облачных лестницах петь,
Невидимо так, осторожно
Пернатой ступенью скрипеть.

И трещинами в амальгаме
Расходятся корни дерёв,
И воздух большими шагами
Спускается в ров,
И пышные пенные брызги
Опутывают сады,
И тянутся, тёплы и склизки,
По-русски, еврейски, балтийски,
Сдвоённые руки звезды.

1986

Игорь Булатовский (1971)

* * *

*Это маслице на сердце,
Кремовая розочка, белая.
Если в рифму, то лучшая – «сердце»,
Если часть, то лучше – целая.*

.....

*Ты пришёл в новом пальтишке?
Не слова – звуки, скорее.
Может, ему в этом звуке-пальтишке
Было потом теплее.*

.....

*Нэй-нэй, нэй-нэй, нэй-нэй-нэй,
Нэй-нэй, нэй-нэй, ню-ню-ню...*
Ih hob nit farshtejn di verter, nej-nej-nej,
Ih gedenk nor dir zingen, bobeniu.

.....

*Разные слова обиженные!
Никогда ещё таких не говорили!*
Не обиженные, а... Ну да, обиженные:
Уронили и забыли.

.....

*Сколько там ещё? Лет десять?..
Хватит вам или довесить?
...9, 8, 7, 6, 5?
И один пойдёшь гулять!*

אשכולות
פילנתרופיה ופיתוח חברתי
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

GENESIS
PHILANTHROPY
GROUP

Эта брошюра не является публикацией и не предназначена для открытого распространения.
Все тексты предоставлены Валерием Шубинским исключительно в качестве учебного материала к лекции.